Для цитирования: Лёвкина А.О. Инновационное развитие в условиях противоречий в позициях власти, бизнеса и общества // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 38–46.

УДК 111.6

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПОЗИЦИЯХ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА

Лёвкина Анастасия Олеговна,
Тюменский государственный университет,
кафедра математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике,
кандидат экономических наук,
доцент,
Тюмень, Россия.
E-mail: anastasia@orgpsiholog.com

Аннотация
В статье анализируются актуальные проблемы современного инновационного развития, обусловленные смысловыми противоречиями в позициях власти, бизнеса и общества в современной культуре. Выделены базовые механизмы современной организации общества, порождающие данные противоречия. Сделан вывод о необходимости расширения формата сотрудничества и самоуправления, при котором общество становится субъектом своего инновационного развития. Для этого, в частности, необходимо внедрение социальных инноваций, способствующих распределенному сетевому формату самоорганизации управления хозяйственными процессами и работающих на цели реализации инновационного развития гуманного общества.

Ключевые понятия:
власть,
бизнес,
общество,
инновационное развитие,
противоречия в позициях власти, бизнеса и общества.

Введение

С позиций социокультурного подхода общество может быть представлено как «единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [9, с. 3]. В свою очередь, культура общества является фактором и продуктом его инновационного развития. В частности, продуктами человеческой культуры и одновременно основными ценностями культуры современного общества являются деньги и власть.

Феномен власти в обществе проявляется в первую очередь территориально – через систему государственной власти, где государство – «это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном стратифицированном обществе, расположенном на определённой территории и состоящем из двух основных страт – правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых» [25].

Общество в процессе развития «породило» такую социальную инновацию, как государство, в поисках справедливого и защищенного устройства социальной жизни [11]. Отделившись от общества, система государственной власти «зажила собственной жизнью» и приобрела свою позицию, отличающуюся от общественной. Тем не менее государство не является само по себе целостным индивидуализированным субъектом, как мифический Левиафан, с которым сравнивал его Т. Гоббс. На практике государственная власть представлена конкретными группами людей, имеющими субъективные конфликтующие экономические и политические позиции и интересы.

С развитием товарно-денежных отношений и рынка возникает бизнес, или предпринимательская деятельность, – дело, занятие, являющееся источником дохода [13]. В условиях рыночной экономики получение прибыли, наращение капитала (стоимости бизнеса) – основная цель бизнеса. Однако принципы саморегулируемости рыночной экономики определяют отчужденную от общества позицию бизнеса, именно «рыночные законы выходят за рамки социального контроля, тогда как все предыдущие экономические системы были лишь частью более широкой социальной системы общества» [12, с. 82–90]. В капиталистической структуре социальных отношений

саморегулируемость рыночной экономики приводит к регулируемости экономики интересами самых крупных собственников ценой истощения природных ресурсов [35] и человеческих жизней наибольшей части общества [17, 23, 26]. Такая форма организации общества приводит также к сращению позиций власти и крупного капитала [7], поэтому целесообразно рассматривать противоречия, скорее, не между позициями власти и бизнеса, а между властью и малым и средним бизнесом, наукой, образованием и другими сферами совместной деятельности людей.

Цивилизационное развитие в рамках рыночной экономики и института государственности привело человечество не только к научно-техническому прогрессу, но и к ряду глобальных проблем, требующих инновационных решений, но неразрешимых в рамках актуальной системы хозяйствования [8, 2, 18]. В такой ситуации необходимо вернуться к сущности инновационного развития общества и ответить на вопросы: «Кто действительно может быть субъектом инновационного развития общества? Как сегодня складываются отношения власти, бизнеса и общества в парадигме «субъект-объект» в сфере инноваций? Чем вызваны противоречия в позициях власти, бизнеса и общества и каковы гуманные пути их преодоления?». Поиск ответов на данные вопросы осуществляется посредством анализа актуальных онтологических вопросов современного инновационного развития общества в условиях смысловых противоречий в триаде «власть-бизнес-общество» с позиций их влияния на человеческую жизнь – её ценность, форму, содержание и перспективы, т.е. с позиций гуманистического подхода.

В целом анализу инновационного развития общества, инновационной деятельности адекватна деятельностная парадигма научного исследования. Соответствующие деятельностной парадигме исследования социокультурных (А.С. Ахиезер, М. Вебер, А.Я. Гуревич, Е.Г. Ефимов, П. Сорокин, А.В. Павлов и др.) и антропосоциетальных (Н.И. Лапин и др.) подходов дают методологическое обоснование сменам социокультурной среды в процессе взаимной эволюции общественного и активного индивидуального сознания в процессе инновационного развития. Гуманистический подход является этическим выбором исследователя. Исходя из поставленных в исследовании смысловых вопросов, опора на гуманистический подход, устанавливающий общность гуманистических ценностей, и их приоритет в научной и практической человеческой деятельности, определяют необходимые этические ориентиры философского анализа, позволяющие сфокусироваться на гуманистическом смысле инновационной деятельности.

Позиции бизнеса

Предприниматели, принимая решение об инвестировании в инновации или модернизациию средств производства и технологических процессов, исходят из коммерческих интересов. Основной целью инвестора в актуальной социально-экономической системе является обеспечение стабильного роста капитала. Поэтому логично, что основным критерием для решения инвестировать в инновацию будет не ее способность решить социально значимую проблему, а ее потенциал приносить прибыль за счет роста потребления. В существующей социально-экономической системе полезные изобретения имеют шанс войти в широкую социальную практику (т.е. стать инновацией) либо при поддержке государства, либо будучи востребованными бизнесом. Это приводит к тому, что инновации служат целям постоянного увеличения капитала за счет роста потребления, и в настоящее время они стоят в одном ряду с арсеналом многообразных манипулятивных и антигуманных методов расширения и создания новых рынков сбыта, методов вынужденного искусственного создания потребностей:

– «планируемое устаревание товаров» [22];

– постоянное снижение качества продукции [20, 36];

– антигуманные неофициальные методы в медицине для поддержания спроса на лекарства (И.М. Сазонова, А. Дмитриевский, М. Арбенин, авторы книг «ВИЧ-СПИД»: виртуальный вирус, или Провокация века» и «СПИД: приговор отменяется»; П. Дюсберг, автор книги «Выдуманный вирус СПИДа»; А. Каллет и Ф.Дж. Шлинк, авторы книги «100 миллионов морских свинок»);

– сдерживание доступных и эффективных инноваций в угоду основному постулату рыночной экономики – «потребитель не должен исчезнуть» [10];

– «инновации» в образовании, направленные на воспитание «квалифицированного потребителя» [5, 28].

Имея общую мета-позицию ориентации на прибыль, бизнес-сфера, тем не

менее, не лишена внутренних конфликтов интересов в области инноваций, который обусловлен противоречием в значении одной и той же инновации для перспектив развития разных отраслей. Например, прорывные инновации в области альтернативных источников энергии, энергосберегающих технологий означают для одних бизнесов – существенное сокращение объемов продаж в добывающей и перерабатывающей нефтегазовой отрасли, для других – значительное снижение энергозатрат и себестоимости производимой продукции. Но данный конфликт интересов не имеет конструктивной природы и не может заменить потенциал действительного сотрудничества в целях повышения экономического благополучия всех жителей территорий, так как основан на конкуренции «капиталов» за ресурсы их роста.

Некоторые организационные формы, такие как консорциум, конгломерат, корпорация, партнерство и другие, могут создавать впечатление сотрудничества фирм, занимающихся разнородной деятельностью, однако цель объединения предприятий в актуальных социоэкономических условиях остается неизменной – рост капитала собственников, все чаще достигаемый за счет диверсификации деятельности, поглощений, слияний или объединения в партнерства, подразумевающие определенные соглашения о ценах, общем бюджете исследований и разработок, или для лоббирования своих интересов во властных структурах.

Механизмы капиталистической монетарной системы хозяйствования устроены таким образом, что общей мировой тенденцией развития бизнес-среды является увеличение концентрации капитала [37]. Соответственно, сегодня о влиянии на инновационное развитие общества целесообразно говорить не столько с позиций «большого бизнеса», сколько с позиций «крупного капитала». Также необходимо отметить, что в последние десятилетия уменьшается степень независимости интересов бизнес-сферы[1] в целом: тенденции «финансолизации экономики» [27, 29] и развития «финансового капитализма» [31, 34] указывают на новую доминантную сферу концентрации капитала – финансовый сектор.

Собственники крупного, в основном финансового, капитала заинтересованы, прежде всего, в предсказуемости определяемых на национальном и мировом уровне приоритетов инновационного развития, в отсутствие противоречий данных приоритетов с теми «ставками», которые ими уже сделаны в инновационной сфере, а значит, в увеличении потенциала влияния на формирование инновационной политики развития общества посредством сращения с государственной властью и использования информационно-политических технологий. Но прежде всего «крупный капитал» заинтересован в сохранении существующей «пирамидальной» организации общества и в продолжении увеличения влияния финансовой сферы на деятельность бизнеса, политику государств и общественное развитие. Такая позиция финансово-политической элиты логически возможна и реализуема благодаря базовым «правилам игры» в существующей социально-экономической системе: абстрагированность рыночных законов от социальной и экологической этики, легитимность ссудного процента, конкуренция, неизбежно ведущая к укрупнению капитала и стремлению к власти в целях стяжательства лучших условий и защиты капитала, ориентация на прибыль. И хотя, по сути, данная позиция для финансово-политической элиты является «консервирующей» (нацеленной на сохранность ее привилегированного статуса), но для общества она становится угрозой свободного и прогрессивного инновационного развития. Так как возможность сохранения элитарного статуса обеспечивается лишь за счет социальной несправедливости, подавления воли других людей, ограничения их развития и свободного выбора, контроля над ресурсами и средствами производства.

Уже сегодня в культуре «общества потребления» можно заметить, что общество рассматривается не как субъект собственного развития, а лишь как объект управления и как ресурс для роста капитала: в широкий оборот введены понятия «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы», «человеческий капитал». Конструируемое на фундаменте консьюмеризма «Общество знаний» на практике направлено в первую очередь на формирование большего числа

[1] В данном случае под бизнесом подразумевается предпринимательская деятельность, направленная на получение прибыли посредством продвижения *реальных (не финансовых)* полезных продуктов и услуг. Так как под продуктом понимается произведение труда, законченный результат некоторой преобразующей деятельности, то словосочетание «финансовый продукт», по сути означающее либо инвестиции, либо кредит, либо спекулятивные финансовые инструменты, будет логично отнести к фикциям.

«квалифицированных потребителей» для обеспечения растущего рынка сбыта цифровой экономики соответствующим объемом спроса на продукцию и услуги [2]. Целью сферы образования в таком обществе является производство специалистов, умеющих «потреблять»/использовать существующие инновации, продавать товары и производить новые инновации, еще более увеличивающие потребление [5]. Таким образом, позиция «крупного капитала» по отношению к обществу обусловлена текущим социально-экономическим контекстом и является потребительской:

– общество рассматривается как донор трудовых ресурсов, инноваций (которые можно выбирать по допустимым критериям) [8];

– общество является средой роста капитала через стимулирование увеличения общественного потребления (все более нерационального и искусственно создаваемого) [5; 2];

– в существующем устройстве общества происходит односторонне выгодное перераспределение ресурсов, вызывающее продолжающийся рост социального расслоения [17].

Позиции власти

Декларируемой целью государственной власти является обеспечение прав и свобод всех его членов и гармоничное развитие всех конструктивных сфер общественной жизни. Однако государственная власть в действительности представлена конкретными людьми, входящими в определенные социальные, экономические группы и имеющими свои собственные интересы, ценности и мировоззрение. Логично, что решения, законы, принимаемые властью, политический курс и инновационная политика будут соответствовать прежде всего интересам ее представителей или как минимум им не противоречить.

В монетарной системе продвижение к власти и выгоды нахождения у власти неизбежно связаны с финансовыми возможностями и конкурентными преимуществами (в первую очередь – это «защита бизнеса» и «государственные заказы»), что создает объективные внешние стимулы для роста невротической мотивации к власти и желания властвовать. Многочисленным психологическими исследованиями подтверждается преимущественно невротические стимулы стремления к власти в современном обществе: желание компенсировать ощущение собственной неполноценности (А. Адлер), ощущения слабости, тревожности, ненависти (К. Хорни), стремления индивидуума избежать изоляции (одиночества), зависимости «ощущения силы» от владения или руководства кем-либо (Э.З. Фромм), статусная потребность или потребность в самоутверждении (З. Фрейд). Актуальный культурный контекст не способствует тому, чтобы человек находился у власти исходя из нормального ощущения силы (К. Хорни) и в то же время по желанию общества, так как является наиболее компетентным специалистом в области решения тех или иных общественных проблем.

При этом необходимо учесть, что представители власти, как правило, сами являются владельцами крупного капитала, что еще более усугубляет разрыв интересов власти и крупного бизнеса с интересами остальной (и наиболее многочисленной) части общества, способствует росту социального неравенства и снижению потенциала прогрессивного инновационного развития гуманного общества.

Правящая власть в целом заинтересована в обеспечении управляемой социальной ситуации и приемлемого уровня социального доверия для сохранения своего статуса. Поэтому в лучшем случае властью проводится политика с учетом интересов общества, но не в интересах общества. Само разделение понятий власти, бизнеса и общества предполагает соответствующее различие статусов, позиций и интересов.

Современная разобщенность людей, проявляемая во множестве противоборствующих религиозных, националистических и политических идеологий, подпитывается антигуманистическими ценностями современной культуры, создающейся с помощью политтехнологий, и постоянно нагнетаемой СМИ атмосферой страха и ксенофобии. Однако не общество или государство, а капитал выступает основным виновником катастрофического обострения глобальных проблем – главной причины и катализатора войн (К. Маркс, Т. Веблен, Г. Матэ). Современные отечественные и зарубежные исследователи – экономисты, политологи – с помощью документальных подтверждений наглядно доказывают, в частности, «нефтяную подоплеку» всех последних крупных геополитических конфликтов: от национальных революций до международных войн (Д. Ергин, Н. Стариков, W.F. Engdahl, S.C. PelletiЛre,

J.D. Colgan). Свидетельства американских ветеранов войн и общественных деятелей (Kenneth O'Keefe, Smedley Darlington Butler, John Perkins) дают еще более полную картину о технологиях инициирования и проведения войн последнего столетия, в основе которых лежат властные амбиции и хрематистические интересы финансово-промышленной элиты.

При современном мировом порядке сильная государственная власть имеет свои относительны плюсы, если она ориентирована на сохранение государственного суверенитета и обеспечивает национальную безопасность в ключевых политических и экономических вопросах. Тем не менее не стоит забывать, что эти плюсы характерны для контекста современной культуры, основанной на приоритетах власти и прибыли, где человек и его развитие в гармонии с природой не является главной ценностью. В условиях более гуманной социально-экономической (а не хрематистической) системы и культуры, основанной на сотрудничестве, ведение войн вряд ли было бы кому-либо выгодным и возможным.

В условиях ведения войн инновационная политика государств в большей или меньшей степени ориентирована на милитаристские разработки. В.Е. Бугер, д-р филос. наук, в статье «Экономические причины войн XXI века» доказывает, что при монополистическом капитализме (который господствует уже более 100 лет) модернизация производства мирных товаров широкого потребления стимулируется исключительно большими войнами. Может сложиться впечатление, что благодаря войнам появляются прорывные технологии, повышающие благосостояние человечества (Интернет, компьютеры, атомная энергия и пр.). Однако для появления социально значимых изобретений необходимы лишь три составляющие: проблема, изобретатель и необходимые ресурсы. Если бы ресурсы, потраченные на войны и восстановление после войн, напрямую направлялись на решение социально значимых проблем, человеческое благосостояние достигло бы небывалого расцвета. Впрочем, даже при сегодняшнем уровне развития технологий проблема дефицита является фиктивной; при другой организации общественного хозяйства проблемы дефицита оказываются легко разрешимыми [4, 14, 19]. Тем не менее дефицит является обязательным условием существования рыночной экономики, и постулат дефицита ресурсов остается неизменным в общепринятой экономической теории. Автоматизация и сокращение вынужденной занятости также становятся в актуальной социально-экономической системе значимой социальной проблемой, а не ресурсом [24, 30, 33].

В данном культурном контексте любая власть, определяя приоритеты инновационного развития общества, оказывается в рамках экономических законов современной системы хозяйствования, существующих правил политической игры и интересов сохранения своего статуса. Позиция власти по отношению к обществу является, с одной стороны, патерналистской (власть уполномочена определять приоритеты, реализовывать и контролировать инновационное развитие общества), с другой стороны – потребительской (общество – источник пополнения бюджета налогами; военный ресурс для защиты интересов государства).

Позиции общества

В сегодняшней культуре «общество выступает скорее в роли объекта, чем субъекта» [16, с. 68]. Так, исследователи, говоря о том, что «важнейшей проблемой взаимодействия бизнеса и власти является определение степени ответственности каждого из субъектов за решение социальных проблем и социальное развитие общества» [3, с. 26], исходят из категории общества как объекта управления, предполагая патерналистскую позицию власти и бизнеса по отношению к обществу.

Создается видимость значимых различий между национальными обществами, развивающимися при разных политических режимах, однако любая власть при любом политическом режиме, в том числе демократическом, имеет и использует ресурсы управления общественным мнением и волей: репрессивный аппарат, механизм выработки правил и контроль над их соблюдением, включая возможность их избирательного применения, финансовые ресурсы на реализацию политики, поддерживающей и укрепляющей позиции существующей государственной власти и формирующей необходимое общественное мнение.

С позиций социокультурного, антропосоциетального и гуманистического подходов общество, как форма объединения людей, обладающих общими гуманистическими интересами, ценностями и целями, обладает активностью в определении приоритетов собственного инновационного развития и конструировании систем

инновационного развития. Инновационное развитие гуманного общества основано на творческой, преобразующей деятельности человека, приоритетом которой является решение социально значимых проблем. С позиций гуманистического подхода лишь общество, как совокупность индивидов, объединенных общими гуманистическими целями и ценностями (а не власть или бизнес), может являться субъектом *своего* инновационного развития, в том числе может развивать новые, более гуманные формы социально-экономических отношений, в частности, не предполагающих феномена власти или бизнеса как таковых.

Позиции общества в сегодняшней культуре входят в фундаментальное противоречие с позицией бизнеса и власти, что способствует понижению уровня социального доверия в обществе [15]. Популярное сегодня понятие «модернизация» в действительности не означает наличие общего курса прогрессивного, инновационного развития для всех. По данным последних социологических исследований, идеи о модернизации общества политических элит и остальной части общества абсолютно не совпадают [21]. Тогда как общий контекст глобальных проблем (войны, истощение природных ресурсов, экологический кризис, экономический спад и пр.) требует выработки единой, неразобщенной социальной позиции по отношению к необходимости прогрессивного, инновационного развития гуманного общества.

Заключение

Исследователи часто говорят о триаде «власть-бизнес-общество», подразумевая, что все три составляющие являются вершинами некоего условного треугольника, между которыми устанавливаются двусторонние отношения. Однако на практике феномен любой власти в обществе (религиозной или светской) при любом политическом режиме всегда придает обществу «пирамидальную» форму. На вершине этой пирамиды – власть вкупе с крупным капиталом, далее – прослойка малого и среднего бизнеса и общества. В такой форме направления инновационного развития общества определяются сверху, несмотря на то что изобретательский потенциал, концентрирующий в себе ресурсы свободного творчества для решения социально значимых задач, как правило, находится «внизу пирамиды», там же проявляются и сами социально значимые задачи.

Какие бы усилия не прилагались сегодня в развитии информационного общества, общества знаний, в реализации идей устойчивого развития, без изменения социально-экономического формата взаимоотношений в обществе, пирамидальная форма организации общества будет продолжать генерировать глобальные социальные, экономические и экологические проблемы. Форма организации общества, рассматриваемая сегодня как альтернатива пирамидальной форме, – сетевая [6, 32]. Так же развиваются идеи осознанного общества, предполагающие активизацию недостаточно используемых в сегодняшней культуре и проектируемых новых психических функций активного сознания в любом взаимодействии между людьми [1]. Сегодняшними примерами технологий сетевого сотрудничества в самоуправляемых обществах являются открытые сообщества по разработке бесплатного программного обеспечения (Linux, Apache, Mozilla Firefox, Hadoop), сообщества по инновациям в сфере «свободной электрической энергии» (Global Wave), технологии блокчейна для локальной экономики (М. Шляпников, Р. Давлетбаев, Г. Тюрин).

Существующий социально-экономический контекст (конкуренция, элитаризм, ориентация на прибыль) своей структурой мешает реализации целей инновационного развития гуманного общества. Тогда как сущностью инновационной деятельности является решение социально значимых проблем наиболее рациональным и этичным способом, что требует соответствующих показателей оценки эффективности инновационного развития[2]. В современной культуре общество с позиций власти и бизнеса является ресурсом и объектом инновационного развития существующей системы хозяйствования. Это приводит к фундаментальным противоречиям в позициях триады «власть-бизнес-общество», патернализму и потребительско-донорским взаимоотношениям власти и бизнеса по отношению к обществу.

Сегодня, в «межцивилизационный период», изменяется парадигма общественного развития, происходит признание

[2] Фокусировка гуманистических ценностях и целях инновационного развития стимулирует появление показателей, нехарактерных для «финансово- и капитало- ориентированной системы координат» сегодняшнего общества – таких, как уровень биопотенциала страны (см. ежег. Living Planet Report с 2010 г. по 2016 г.) и эколого-экономический индекс регионов (см. Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В., Эколого-экономический индекс РФ. М. : WWF России, РИА Новости, 2012).

неэффективности существующих фундаментальных механизмов хозяйствования, осуществляется активный поиск новых, более эффективных принципов и систем управления общественным развитием. Область решения проблемы устранения противоречий в разобщенной пирамидальной структуре социума лежит в развитии таких принципов и механизмов хозяйствования, которые обеспечивали бы целостность интересов общества и его элементов и деятельность социума как субъекта собственного инновационного развития. На уровне локальных экономик уже сегодня примером могут служить территориальные общества самоуправления, показавшие свою высокую социально-экономическую эффективность в разных странах (Г.В. Тюрин), применение инновационных инструментов хозяйствования, например, локальных валют без функций получения процентов и накопления (Й.С. Гезелль, Б.А. Лиетар). На национальном уровне – сетевые технологии для совместной разработки стратегии общественного развития (gasu.gov.ru/strategy-2035), для выдвижения общественных инициатив (roi.ru). На международном уровне – сообщества по развитию инноваций, нацеленных на решение значимых социальных проблем общества (такие, как сообщество по развитию инноваций в сфере «свободной электрической энергии» Global Wave, проект «Венера» Ж. Фреско – Venus Project, общественное движение «Дух Времени» П. Джозеф).

1. Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику. М.: КомКнига, 2007. 168 с.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.

3. Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О. Модели взаимодействия власти и бизнеса в Российской Федерации // Вестник Университета. 2014. С. 23–26.

4. Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л.М. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная / перев. А.П. Заварницын, В.Д. Новиков. М: Academia, 2000. 400 с.

5. Ильин А.А. Квалифицированный потребитель – цель системы образования? // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 4 (6). С. 49–57.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.

7. Катасонов В.Ю. Империализм как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916–2016). М.: Кислород, 2016. 405 с.

8. Катасонов В.Ю. От рабства к рабству. М.: Кислород, 2014. 448 с.

9. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

10. Норбеков М.В. Опыт дурака, или Ключ к прозрению. Как избавиться от очков. Здоровье на всю жизнь. М.: АСТ, 2014. 320 с.

11. Платон. Государство. Книга седьмая / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. 654 с.

12. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / под ред. С.Е. Федоров, пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева, СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

13. Прохоров А.М. Бизнес / гл. ред. А.М. Прохоров, редкол.: В. И. Бородулин, А.П. Горкин (зам. гл. ред.), В.М. Карев [и др.] // Российский энциклопедический словарь: РЭС: в 2 кн. Кн. 1: А – Н. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 1023 с.

14. Салинс М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.

15. Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики, 2010. № 2. С. 83–102.

16. Семикин Д.В. Актуальные проблемы подготовки государственных служащих в ВУЗах Германии и России // Региональные аспекты взаимодействия бизнеса, власти и общества. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 67–71.

17. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе или что делать остальным 99% населения? М.: Эксмо, 2016. 774 с.

18. Субетто А.И. Первая фаза глобальной экологической катастрофы и конец рынка как механизма развития // Воспроизводство в России в XXI веке: диалектика регулируемого развития. Коллективная монография. Под редакцией М.Л. Альпидовской, Н.В. Цхададзе, Д.П. Соколова. М.: Русайнс, 2017. С. 82–83.

19. Фреско Ж. Проектирование будущего. Venus: Venus Project, Inc, 2007. 76 с.

20. Akerlof D.A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. № 84. P. 488–500.

21. Andreev A.L. The Futures and the Past as Seen by the Russians // Proceedeings of the ISA 3rd Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World». Moscow-Vienna: Russian Society of Sociologists, 10–14 July, 2016, pp. 6–20.

22. Bulow J. An Economic Theory of Planned Obsolescence // Quarterly Journal of Economics. 1986, pp. 729–749.

23. Butler S.D. War is a Racket: The Antiwar Classic by America's Most Decorated Soldier. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 58 p.

24. Campa R. Technological Growth and Unemployment: A Global Scenario Analysis // Journal of Evolution and Technology. 2014. Vol. 24, pp. 86–103.

25. Claessen H.J.M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. Havertown: David Brown Book Company, 1996. 1486 p.

26. Colgan J.D. Petro-Aggression: When Oil Causes War. New York: Cambridge University Press, 2013. 324 p.

27. Cushen J. Financialization in the workplace: Hegemonic narratives, performative interventions and the angry knowledge worker // Accounting, Organizations and Society. 2013. Vol. 38, pp. 314–331.

28. Eagleton T. Slow Death of the University // The chronocle of higher education. 06.04.2015. URL: http://www.chronicle.com/article/The-Slow-Death-of-the/228991 (accessed 28.07.2017).

29. Epstein G. Financialization, Rentier Interests, and Central Bank Policy. Amherst: University of Massachusetts. 2002. 43 p. URL: https://www.citivelocity.com/citigps/ReportSeries.action?recordId=35 (accessed 28.07.2017).

30. Frey C.B., Osborne M. Technology at work: The Future of Innovation and Employment // Citi GPS: Global Perspectives & Solutions. 2015. February.

31. Hudson M. Financial Capitalism vs. Industrial Capitalism // Michael Hudson on finance, real estate and the powers of neoliberalism. 3.09.19 98. URL: http://michael-hudson.com/1998/09/financial-capitalism-v-industrial-capitalism (accessed 28.07.2017).

32. Jensen R. The dream society. New-York: McGraw-Hil. 1999. 242 p.

33. Lawrence H. Summers on the Economic Challenge of the Future: Jobs // Wall street Journal. 7.06.2014. URL: http://www.wsj.com/articles/lawrence-h-summers-on-the-economic-challenge-of-the-future-jobs-1404762501 (accessed 28.07.2017).

34. Marois T. States, Banks and Crisis: Emerging Finance Capitalism in Mexico and Turkey. Cheltenham Glos: Edward Elgar Publishing. 2012. 263 p.

35. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Limits to Growth: The 30-Year Update. Hartford Chelsea Green Publishing Co. 2004. 338 p.

36. Stiglitz J.E. Equilibrium in Product Markets with Imperfect Information // American Economic Review. 1979. Vol. 69, pp. 339–345.

37. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The network of global corporate control // PLoS ONE. 2011. 10 (6), doi:10.1371/journal.pone.0025995.

References

1. Bahtijarov O.G. (2007) Postinformacionnye tehnologii: vvedenie v psihonetiku, Moscow, KomKniga, 168 p. [in Rus].

2. Bodrijjar Zh. (2006) Obshhestvo potreblenija, Moscow, Respublika, 272 p. [in Rus].

3. Butova T.V., Dunaeva N.O., Udachin A.I. (2014) *Vestnik Universiteta,* pp. 23–26 [in Rus].

4. Vajczekker Je., Lovins Je., Lovins L.M. (2000) Faktor chetyre. Zatrat – polovina, otdacha – dvojnaja, perev. A.P. Zavarnicyn V.D. Novikov, Moscow, Academia, 400 p. [in Rus].

5. Il'in A.A. (2014) Kvalificirovannyj potrebitel' – cel' sistemy obrazovanija? *Filosofija i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve,* no. 4(6), pp. 49–57 [in Rus].

6. Kastel's M. (2000) Informacionnaja jepoha: Jekonomika, obshhestvo i kul'tura, Moscow, Gos. un-t. Vyssh. shk. jekonomiki, 606 p. [in Rus].

7. Katasonov V.Ju. (2016) *Imperializm, kak vysshaja stadija kapitalizma. Metamorfozy stoletija* (1916-2016), Moscow, Kislorod, 405 p. [in Rus].

8. Katasonov V.Ju. (2014) *Ot rabstva k rabstvu,* Moscow, Kislorod, 448 p. [in Rus].

9. Lapin N.I. (2000) *Sociologicheskie issledovanija,* no. 7, pp. 3–12 [in Rus].

10. Norbekov, M.V. (2014) Opyt duraka, ili Kljuch k prozreniju. Kak izbavit'sja ot ochkov. Zdorov'e na vsju zhizn', Moscow, AST, 320 p. [in Rus].

11. Platon (1971) Gosudarstvo. Kniga sed'maja, Sobranie sochinenij v 3-h tt. T.3 (1). Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].

12. Polan'I K. (2002) Velikaja transformacija. Politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni, red. Fedorov S.E., per. s angl. A.A. Vasil'eva, S.E. Fedorova i A.P. Shurbeleva, Sankt Peterburg, Aletejja, 320 p. [in Rus].

13. Prohorov A.M. (2000) Biznes, gl. red. A.M. Prohorov, redkol.: V.I. Borodulin, A.P. Gorkin (zam. gl. red.), V.M. Karev [i dr.], *Rossijskij jenciklopedicheskij slovar': RJeS: v 2 kn. Kn. 1: A – N.* Moscow, Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1023 p. [in Rus].

14. Salins M. (1999) Jekonomika kamennogo veka. Moscow, OGI, 296 p. [in Rus].

15. Sasaki M. Latov Ju., Romashkina G., Davydenko V. (2010) *Voprosy jekonomiki,* no. 2, pp. 83–102 [in Rus].

16. Semikin D.V. (2014) Aktual'nye problemy podgotovki gosudarstvennyh sluzhashhih v VUZah Germanii i Rossii, *Regional'nye aspekty vzaimodejstvija biznesa, vlasti i obshhestva,* Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANHiGS, pp. 67–71 [in Rus].

17. Stiglic D. (2016) Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshhestve ili chto delat' ostal'nym 99% naselenija? Moscow, Jeksmo, 774 p. [in Rus].

18. Subetto A.I. (2017) Pervaja faza global'noj jekologicheskoj katastrofy i konec rynka kak mehanizma razvitija. *Vosproizvodstvo v Rossii v XXI veke: dialektika reguliruemogo razvitija.* Kollektivnaja monografija pod redakciej M.L. Al'pidovskoj, N.V. Chadadze, D.P. Sokolova. Moscow, Rusajns, pp. 82–83 [in Rus].

19. Fresko Zh (2007) Proektirovanie budushhego, Venus, Venus Project, Inc, 76 p. [in Rus].

20. Akerlof D.A. (1970) *Quarterly Journal of Economics,* no. 84, pp. 488–500 [in Eng].

21. Andreev A.L. (2016) The Futures and the Past as Seen by the Russians, *Proceedeings of the ISA 3rd Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World»,* Moscow-Vienna, Russian Society of Sociologists, 10–14 July, pp. 6–20 [in Eng].

22. Bulow J. (1986) *Quarterly Journal of Economics,* pp. 729–749 [in Eng].

23. Butler S.D. (2014) War is a Racket: The Antiwar Classic by America's Most Decorated Soldier. CreateSpace Independent Publishing Platform, 58 p. [in Eng].

24. Campa R. (2014) *Journal of Evolution and Technology,* vol. 24, pp. 86–103 [in Eng].

25. Claessen H.J.M. (1996) State, *Encyclopedia of Cultural Anthropology.* Vol. IV. Havertown, David Brown Book Company, 1486 p. [in Eng].

26. Colgan J.D. (2013) *Petro-Aggression: When Oil Causes War.* New York, Cambridge University Press, 324 p. [in Eng].

27. Cushen J. (2013) Financialization in the workplace: Hegemonic narratives, performative interventions and the angry knowledge worker, Accounting, Organizations and Society, vol. 38, pp. 314–331 [in Eng].

28. Eagleton T. Slow Death of the University, *The chronocle of higher education,* 06.04.2015, available at: http://www.chronicle.com/article/The-Slow-Death-of-the/228991 (accessed 28.07.2017) [in Eng].

29. Epstein G. (2002) Financialization, Rentier Interests, and Central Bank Policy, Amherst, University of Massachusetts, 43 p, available at: https://www.citivelocity.com/citigps/ReportSeries.action?recordId=35 (accessed 28.07.2017) [in Eng].

30. Frey C.B. (2015) Technology at work: The Future of Innovation and Employment, *Citi GPS: Global Perspectives & Solutions,* February [in Eng].

31. Hudson M. (1998) Financial Capitalism vs. Industrial Capitalism, *Michael Hudson on finance, real estate and the powers of neoliberalism*, 3.09.1998, available at: http://michael-hudson.com/1998/09/financial-capitalism-v-industrial-capitalism (accessed 28.07.2017) [in Eng].

32. Jensen R. (1999) The dream society, New-York, McGraw-Hil, 242 p. [in Eng].

33. Lawrence H. (2014) Summers on the Economic Challenge of the Future: Jobs, *Wall street Journal,* 7.06.2014, available at: http://www.wsj.com/articles/lawrence-h-summers-on-the-economic-challenge-of-the-future-jobs-1404762501 (accessed 28.07.2017) [in Eng].

34. Marois T. (2012) States, Banks and Crisis: Emerging Finance Capitalism in Mexico and Turkey, Cheltenham Glos, Edward Elgar Publishing, 263 p. [in Eng].

35. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. (2004) *Limits to Growth: The 30-Year Update*. Hartford Chelsea Green Publishing Co., 338 p. [in Eng].

36. Stiglitz J.E. (1979) Equilibrium in Product Markets with Imperfect Information, *American Economic Review*, vol. 69, pp. 339–345 [in Eng].

37. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) The network of global corporate control, PLoS ONE, no. 10 (6), doi:10.1371/journal.pone.0025995 [in Eng].

For citing: Levkina A.O. Innovative development in the context of contradictions in positions of power, business and society // Socium i vlast. 2017. № 5 (67). P. 38–46.

UDC 111.6

INNOVATIVE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CONTRADICTIONS IN POSITIONS OF POWER, BUSINESS AND SOCIETY

Levkina Anastasia Olegovna,
Tyumen State University,
The Department Chair of Mathematical Methods, Information Technologies and Managerial Systems in Economics,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor,
Tyumen, Russia.
e-mail: anastasia@orgpsiholog.com

Annotation
The article analyzes the topical problems of modern innovative development, conditioned by conceptual contradictions in the positions of power, business and society in contemporary culture. The author points out some basic mechanisms of modern organization of a society which give birth to these contradictions. The author makes a conclusion about the necessity to broaden the format of cooperation and self-management in which a society becomes a subject of its innovative development. To do it, it is necessary to implement social innovations contributing to distributed network format of self-organizing business management and aiming at realizing innovative development of a humane society.

Key concepts:
power,
business,
society,
innovative development,
contradictions in positions of power,
business and society.